

**НАБЛЮДЕНИЯ НАД НЕКОТОРЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ  
ИДИОЛЕКТА М. ЦВЕТАЕВОЙ  
(на материале блоковского цикла)**

М. Ю. СОБЛИС

Влияние творчества одного поэта на творчество другого – явление, давно привлекавшее внимание исследователей (см., напр.: [Жирмунский, Анна Ахматова..., 1977; Альтман, 1973]. Одним из результатов такого влияния является, в частности, реминисценция, т. е. „намеренное или невольное воспроизведение поэтом знакомой образной или фразовой конструкции из другого художественного произведения” [Квятковский, 1966, с. 238]. Реминисценция – не обязательно плод прямого воздействия одного поэта на другого. Писатель невольно может воспроизвести общеизвестную поэтическую конструкцию. Однако если реминисценции одного и того же автора встречаются в произведениях другого неоднократно и на протяжении определенного промежутка времени, то можно говорить о влиянии творчества одного писателя на творчество другого, проявляющемся в более или менее сильной степени.

Цель данной работы – описание некоторых словесно-образных рядов, появившихся в стихах Марины Цветаевой под влиянием творчества Александра Блока. Данный параметр можно рассматривать как один из подходов при сопоставительном анализе художественных идиостилей.

Исследователи отмечают, что „примерно с 1916 года, когда, собственно, и началась настоящая Цветаева, в ее творчестве господствует буйное песенное начало, воплощавшее острое чувство России – ее истории, ее национального характера... Конечно, за всем этим различима поэтическая традиция – дальняя и ближняя (ближайшая идет от Александра Блока)...” [Орлов, 1976, с. 283].

В том же 1916 г. появляются циклы Цветаевой „Стихи к Блоку”, „Бессонница”, „Ахматовой”, „Стихи о Москве”. Ранее, в периоды 1908–1912 и 1913–1915 гг., Цветаева писала в основном единичные стихотворения, не объединенные в циклы. Можно предположить, что тяга зрелой Цветаевой к цикличности связана с влиянием Блока, который, как известно, придавал большое значение построению своих поэтических книг именно из циклов.

Цикл Цветаевой „Стихи к Блоку”, включающий 16 стихотворений,

впервые был образован автором в 1922 г. (Цветаева М. Стихи к Блоку. — Берлин, 1922). В него вошли стихи, написанные в 1916, 1920 и 1922 гг. Стихотворения 1916 г. (1–8) и 1922 г. (10–16) представляют, по существу, два самостоятельных цикла. Причиной написания цикла 1922 г. стала смерть Блока. Стихотворение 1920 г. появилось после вечера в Политехническом музее, где Цветаева впервые видела и слышала поэта. Причиной же написания цикла 1916 г. стало, по нашему предположению, основанному на ряде фактов<sup>1</sup>, состоявшееся незадолго перед этим знакомство Цветаевой с творчеством Блока, оставившее глубокий след в ее душе.

Первое стихотворение („Имя твое — птица в руке...“) является как бы преддверием к раскрытию образа героя цикла, так как Цветаева описывает в нем ассоциации, вызванные звучанием „имени“ (собственно, фамилии) Блока. По-видимому, заинтересованность лирикой Блока родилась у Цветаевой из интереса к фамилии поэта, иначе она не посвятила бы целого стихотворения блоковскому „имени“. Первое стихотворение цикла — это как бы обложка книги, которую еще предстоит открыть, а пока книга не открыта, имя автора на обложке вызывает лишь неясные предчувствия, предположения: „Имя твое — ах, нельзя! — /Имя твое — поцелуй в глаза,/В нежную стужу недвижных век./Имя твое — поцелуй в снег./Ключевой, ледяной, голубой глоток./С именем твоим — сон глубок“.

Обратим внимание на то, что уже в первом стихотворении упоминается снег. Возникает тема снега, занимающая в цикле значительное место. И неясные контуры образа героя во втором стихотворении („Нежный призрак...“) прорисовываются из снега: „Во мгле сизой/Стоишь, *ризой/Снеговой одет.*“ Несколько ниже: „Голубоглазый—/Меня — сглазил/*Снеговой певец*“.

Образ героя еще не наделен конкретными чертами. „Нежный призрак“, „снеговой певец“ оборачивается далее „снежным лебедем“: „*Снежный лебедь/Мне под ноги перья стелет./Перья реют/И медленно никнут в снег.*“ Это — метафорический образ вьюги. Тема вьюги, метели и тема лебеда и далее возникают в данном цикле.

Тема вьюги, ее денотативный и образный план в рассматриваемом стихотворении поддерживается и прерывистым ритмом (чередование четырехстрочных и трехстрочных строф, двустолбных и трехстопных строк, хорей и амфибрахия). То же словесно — образное наполнение названной темы находим и в третьем стихотворении цикла: „Ты про-

---

<sup>1</sup>Факты следующие: 1) зимой 1915–16 г. Цветаева была в Петрограде, где могла впервые услышать о Блоке: 2) в марте 1916 г. Блок был в Москве и читал стихи: 3) признаки влияния Блока прослеживаются у Цветаевой примерно с 1916 г.

ходишь на запад солнца/И метель заметает след... И, под медленным снегом стоя/Опущусь на колени в снег,/И во имя твое святое/Поцелую вечерний снег..." В данном стихотворении слова, входящие в семантическое поле „снег”, употребляются наиболее часто.

Далее тема снега обрывается. Слово *снег* встретится только в шестом стихотворении цикла („Думали – человек!”): „Шли от него лучи – /Жаркие струны по снегу.” Слово *метель* находим в четырнадцатом стихотворении („Без зова, без слова...”). В одиннадцатом („Други его...”) и двенадцатом („А над равниной...”) стихотворениях отметим сочетание *вещая вьюга*. В основном же употребление лексики, связанной со словом *снег*, сосредоточено во втором и третьем стихотворениях, т. е. там, где образ героя только обозначивается. Частотность слов, входящих в семантическое поле „снег”, дает основание говорить, что образ героя в начале цветаевского цикла навеян циклом А. Блока „Снежная маска”.

„Снежная маска” Блока занимает в творчестве поэта особое место. „Этот цикл – первая часть трилогии, которую можно назвать „трилогией лирических стихий”... Отдаться безрассудно лирической стихии – значит для Блока пробиться к чему-то объективному...” [Сапогов, 1967, с. 10]. Блок выходит из „туманов” ранней лирики и бросается „навстречу снежному ветру...” [Крук, 1970, с. 167].

В тридцати стихотворениях „Снежной маски” слово *снег* встречается 16 раз, *снежный* – 40, *снеговой* – 7, *вьюга* – 20, *метель* – 14 раз. Всего же слова комплекса „снег” употребляются здесь 107 раз.

Перечисленные слова являются в цикле Блока ключевыми. „Всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды. Из-за них существует стихотворение” [Блок, Записные книжки, с. 84]. Особую роль в цикле играет слово *снежный*, в частности в сочетании со словом *вьюга* [Жирмунский, Поэтика..., 1977; Загоровская, 1975].

„Снежная маска” по образной насыщенности и метафоричности, сложности ассоциаций бесспорно стоит на первом месте в творчестве Блока. Основной способ метафоризации в „Снежной маске” кратко можно представить так. Из основного символа („слова-острия”), напр., „снег”, возникает множество производных: „снежные вихри”, „снежная пена”, „снега забвенья”, „снежное сердце” и т. д., образуя метафорический ряд... [Сапогов, 1967, с. 12]. Таким образом, ключевые слова, являясь наиболее частотными для данного произведения, не только служат опорой для построения стихотворения, но и участвуют в создании образов. Кроме того, ключевые слова создают ритм, характерный для данного произведения. „Ритм «Снежной маски» можно определить как метельный” [Крук, с. 172].

Неся большую смысловую нагрузку, опорные слова не могут оста-

ваться незаметными для читателя, особенно если читателем является поэт. Образ „снежного лебеда” из цветаяевского цикла имеет прототип у Блока: „Птица вьюги/Темнокрылой./Дай мне два крыла!” („Тревога”); „Большие крылья снежной птицы/Мой ум метелью замели” („Они читают стихи”).

В „Нежном призраке...” Цветаева называет своего героя „рыцарь без укоризны”. Образ рыцаря, сливающийся с образом лирического героя, неоднократно появляется в „Снежной маске”: в „Бледных сказаниях”, в „Тенях на стене”, в „Насмешнице”, в „На снежном костре”.

Строки из „Ты проходишь на запад солнца...” также перекликаются со „Снежной маской”. Так, строка: „И метель заметает след” напоминает блоковское: „И опять, опять снега/Замели следы” („И опять снега”). Ср. также: „Ты пройдешь в снеговой тиши” – у Цветаевой и „Вышина. Глубина. Снеговая тишь” – у Блока.

Однако было бы неверно ограничивать влияние Блока на Цветаеву „Снежной маской”.

„Если обратиться к блоковскому циклу, это... страстный монолог влюбленности... Для нее (Цветаевой) Блок – символический образ Поэзии... Блок для Цветаевой – не реально существующий поэт, несущий сложный и беспокойный мир в своей душе, а бесплотный призрак, созданный романтически взвихренным воображением” [Рождественский, 1980].

Да, поначалу Блок существует для Цветаевой только как „призрак”, что она и подтверждает во втором стихотворении цикла. Но в последней строфе она разрушает созданный ею образ: „Милый призрак!/Я знаю, что все мне снится./Сделай милость:/Аминь, аминь, рассыпья!/Аминь”.

Цветаева больше не возвратится к теме „снегового певца”, ибо в третьем стихотворении возникает новый образ героя, который пройдет через весь цикл. И возникает он именно потому, что Цветаева поймет, какой „сложный и беспокойный мир в своей душе” несет Александр Блок. Цветаева не могла любить призрак, бесплотное видение – этому противоречит сам дух ее поэзии. В стихах возникает образ человека, страдающего и возвышенного страданием, избравшего трудный, но праведный путь. Именно перед человеком, а не перед „призраком”, Цветаева всю жизнь благоговела, именно смерть человека ранила ее, „как может ранить смерть любимого...” [Мицлин, 1974, с. 80]. Блока Цветаева считала явлением настолько незаурядным, „что удивительно, как жизнь – вообще допустила”<sup>2</sup>.

Обратимся к анализу третьего стихотворения цикла „Стихи к Блоку”, где впервые возникает новый образ героя.

<sup>2</sup>Из письма М. Цветаевой к А. Ахматовой в августе 1921 г. (После смерти Блока). Цит. по кн.: Ц в е т а е в а М. Соч.: В 2-х т. Т. 1. – М., 1980, с. 495.

*„Ты проходишь на запад солнца,  
 Ты увидишь вечерний свет.  
 Ты проходишь на запад солнца,  
 И метель заметает след.  
 Мимо окон моих – бесстрастный –  
 Ты пройдешь в снеговой тиши,  
 Божий праведник мой прекрасный,  
 Свете тихий моей души!  
 Я на душу твою – не зарюсь!  
 Нерушима твоя стезя.  
 В руку, бледную от лобзаний,  
 Не вобью своего гвоздя.  
 И по имени не окликну,  
 И руками не потянусь.  
 Восковому, святому лику  
 Только издали поклонюсь.  
 И, под медленным снегом стоя,  
 Опущусь на колени в снег,  
 И во имя твое святое  
 Поцелую вечерний снег –  
 Там, где поступью величавой  
 Ты прошел в гробовой тиши,  
 Свете тихий – святая славы –  
 Вседержитель моей души”.*

Стихотворение начинается словами молитвы. Первая и вторая строки – это перефразированное: „Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний...” „Свете тихий, святая славы” – слова из той же молитвы. Цветаева называет Блока „Вседержитель моей души”. Здесь возникает тема Христа, которая получает дальнейшее развитие: „нерушима твоя стезя”, „в руку... не вобью своего гвоздя”. Обилие в стихотворении высокой поэтической лексики, устойчивых словосочетаний (*божий праведник, свете тихий, стезя, лобзания, святой лик, имя твое святое, поступь величавая, святая славы, вседержитель*) позволяет нам утверждать, что образ Блока отождествляется у Цветаевой с образом Христа.

Третье стихотворение, в котором пересеклись две основные темы цикла – тема снега и тема Христа, – мы можем назвать центральным. В нем выражение любви к Блоку достигает апогея. равноценным третьему, по существу, является лишь четырнадцатое стихотворение цикла („Без зова, без слова...”), где снова появляется образ Христа и где максимально выражена скорбь по умершему Блоку.

Является ли образ Христа у Цветаевой реминисценцией блоковской поэзии?

Обратимся вновь к контекстам Блока:

*„... Когда палач рукой костлявой/Вобьет в ладонь последний гвоздь, –  
 /Пред ликом родины суровой/Я закачаюсь на кресте.../..Ко мне шпылет*

в челне Христос./...И жалко смотрит из одежды/Ладонь, пробитая гвоздем" („Осенняя любовь”).

„Христос как « вседержитель мира »... появляется в самых ранних стихах Блока... Но это не церковный « бог с чудесами ». Лирический герой Блока – « невоскресший Христос ». Он – Сын Человеческий во всем и всегда. Именно этому образу, олицетворяющему человеческое и только человеческое, равновелик герой Блока” [Еремина, 1982, с. 17].

Такой образ Христа был близок Цветаевой уже потому, что ничего общего не имел с каноническим православным богом. Христос Цветаевой – также сын человеческий, но поднявшийся над суетностью мира сего. У Блока Христос появляется „как символ потрясенности человеческим страданием...” [Еремина, 1980, с. 4]. „Человеческий образ Христа – носитель высоких и вечных идеалов, неподвластных времени, этот образ олицетворяет для Блока все величие и страдания, и подвига” [Еремина, 1982, с. 20]. Таким носителем „высоких и вечных идеалов” поэзии, олицетворением „всего величия страдания и подвига” является для Цветаевой Блок.

„Блок в жизни Марины Цветаевой был единственным поэтом, которого она чтит не как собрата по „струнному ремеслу”, а как божество от поэзии, и которому как божеству поклонялась... Творчество одного лишь Блока восприняла Цветаева как высоту столь поднебесную – не отрешенностью от жизни, а очищенностью ею... – что ни о какой сопричастности этой творческой высоте она, в „греховности” своей, и помыслить не смела, только коленопреклонялась” [Эфрон, 1976, с. 176].

Это отношение Цветаевой к Блоку ясно выражено в третьем стихотворении. В других стихотворениях цикла „Стихи к Блоку” Цветаева называет своего героя „ангелом”, „солнцем светоносным”, „серафимом”, „праведником”. Прямое сопоставление героя с Христом ярко выражено в стихотворении „Други его...”:

„Было так ясно на лике его:/Царство мое не от мира сего”

Своему герою Цветаева приписывает известное изречение Христа.

Особенно отчетливым отождествление Блока с Христом становится в четырнадцатом стихотворении („Без зова, без слова...”). Для этого Цветаева использует миф о втором пришествии Христа на землю и о Страшном суде. Миф о воскресении Христа был использован в шестом стихотворении („Думали – человек!”), в его заключительных строках: „–Мертвый лежит певец/И воскресенье празднует”.

Теперь же, потрясенная действительно случившейся смертью Блока, Цветаева шаг за шагом развенчивает миф о втором пришествии. В начальных строках стихотворения еще присутствует робкая надежда:

„А может быть, снова  
Пришел, – в колыбели лежишь?

Какая из смертных  
Качает твою колыбель?  
Блаженная тяжесть!  
Пророческий певчий камыш!  
О, кто мне расскажет,  
В какой колыбели лежишь?”

Начальные строки наполнены вопросами: „А может быть, снова/ Пришел..?”, „Какая из смертных..?”, „кто мне расскажет..?” Стремление спасти вновь пришедшего героя заставляет лирическую героиню пуститься в путь: „Покамест не продан!” –/Лишь с ревностью этой в уме,/Великим обходом/Пойду по российской земле./Полночные страны/Пройду из конца и в конец”.

Путь поэта и страдальца предначертан ему уже с колыбели. Это не только „пророческий певчий камыш”, но и: „Не лавром, а терном –/Чепца острозубая гень”.

В стихотворении снова звучат темы птицы и метели: „Не полог, а птица/Раскрыла два белых крыла!/ – И снова родиться,/Чтоб снова метель замела?!”

Воскресшему герою лирическая героиня Цветаевой отдает всю свою любовь: „Любить и любить его лишь!”, „Не отдать его” смерти. Но подобно тому, как героем Блока был „невоскресший Христос”, так и герой Цветаевой не воскресает:

„А может быть, ложен  
Мой подвиг, и даром – труды.  
Как в землю положен,  
Быть может, – проспишь до трубы.  
Огромную впалость  
Висков твоих – вижу опять.  
Такую усталость –  
Ее и трубой не поднять!”

Ср. у Блока:

„...Лежит спокойная жена,  
Но ей не дорога свобода:  
Не хочет воскресать она.  
.....Я задохнулся в гробе,  
И больше нет бывалых сил”.  
(„Сон”)

Мотив усталости часто присутствует в лирике Блока. В одном из стихотворений цикла „Итальянские стихи” появляется „Христос, уставший крест нести...”

Вернемся к стихотворению Цветаевой. Его рефреном – в каждой третьей строфе – является мольба об указании колыбели, в которой лежит вновь пришедший на землю герой:

„О, кто мне *расскажет...*“; „О, кто мне *нашепчет...*“; „О, кто мне *надышит*,/В какой колыбели лежишь?“

Неизвестны ни местонахождение колыбели, ни тот, кто способен его указать. А в завершающей строфе присутствует вполне конкретный человек, который указывает, где находится герой в действительности: место это – кладбище, колыбель – могила, а конкретное лицо – кладбищенский сторож: „Державная пажить/Надежная, ржавая тишь./Мне сторож *покажет*,/В какой колыбели лежишь“.

Строфа лишена какой-либо экспрессии, но именно в этом внешнем спокойствии тона кроется вся безнадежность, вся горечь утраты. Стилистический прием – использование цепочки глаголов *расскажет – нашепчет – надышит – покажет* – служит основной цели стихотворения: развенчанию мифа о втором пришествии на землю героя и отождествляемого с ним Христа. Тема Христа в цикле „Стихи к Блоку“ на этом обрывается.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну деталь. Герой цветаевского цикла статичен только во втором („Нежный призрак...“) и в шестом („Думали – человек!“) стихотворениях. В большинстве же стихотворений цикла герой постоянно находится в движении. Выражается это следующими словами: „Ты *проходишь* на запад солнца...“ – дважды; „Ты *пройдешь* в снеговой тиши...“; „Ты *прошел* в гробовой тиши...“ – в третьем стихотворении; „И *проходишь* ты над своей Невой...“ – в пятом; „*Проходил*, одинок и глух...“ – в одиннадцатом стихотворении и т. д. Тема пути связана и с лирической героиней цикла (так, во втором стихотворении: „То не ветер/*Гонит* меня по городу...“; „Так, по перьям/*Иду* к двери...“; в четырнадцатом: „Великим обходом/*Пойду* по российской земле...“ и др.).

Мы не будем категорически утверждать, что тема пути, тема „нерушимой стези“ в цикле Цветаевой суть прямая реминисценция поэзии Блока. Однако то, что „идея пути является одним из самых существенных принципов, одним из главных отличий блоковской поэзии на фоне других поэтических систем“ [Максимов, 1972, с. 48–49], не могло остаться незамеченным для Цветаевой и нашло отражение в ее цикле. Образ героя цикла у нее тесно связан с темой, с идеей пути. Характерно, что тема пути соприкасается с темой Христа – наиболее важной в цикле „Стихи к Блоку“.

Благодаря способности Цветаевой чутко улавливать тончайшие оттенки, глубинные значения поэзии, образы Христа у Цветаевой и у Блока разительно похожи. В стихотворении Цветаевой, написанном в 1916 г. („Ты *проходишь* на запад солнца...“), герой, отождествляемый



с Христом, проходит в „снеговой тиши“, под „медленным снегом“, „и метель замечает след“. А в поэме Блока „Двенадцать“, написанной в 1918 г., в финале ее, Христос идет в окружении *снега*, за стеной *белой вьюги*. Обостренным чутьем художника Цветаева угадала грядущий блоковский образ и предсказала его в своих стихах, так как тема снега и тема Христа — из числа главнейших блоковских тем, и рано или поздно они должны были встретиться. Но раньше, чем у Блока, они встретились в стихах Цветаевой, Блоку посвященных. Это еще одно подтверждение тому, что лирика Блока оказала сильнейшее влияние на Марину Цветаеву и что блоковские темы и образы получили своеобразную трансформацию в ее поэзии.

SOME OBSERVATIONS OVER THE IDIOLECT OF BLOK'S  
CYCLE BY M. TSVETAYEVA

M. J. SOB LIS

Summary

The article deals with a question of the influence of A. Blok on the poetry of M. Tsvetayeva. The author investigates a kind of transformation of some poetical themes — namely, the theme of snow and the theme of Christ — in Tsvetayeva's cycle „Verse to Blok“.

ЛИТЕРАТУРА

- Блок А. А. Собр. соч.: В 6-ти т. — Л., 1980.  
Блок А. А. Записные книжки. — М., 1965.  
Цветаева М. И. Избр. произведения. — М.—Л., 1965.  
Цветаева М. И. Соч.: В 2-х т. — М., 1980.

Альтман, 1973 — А л ь т м а н М. С. Пушкинские реминисценции у Блока. — В кн.: Philologica. Исследование по языку и литературе. Л., 1973.

Еремина, 1980 — Е р е м и н а Л. И. К истолкованию финала поэмы А. А. Блока „Двенадцать“. — Филол. науки, 1980, № 6.

Еремина, 1982 — Е р е м и н а Л. И. Старинные розы Александра Блока. — Филол. науки, 1982, № 4.

Жирмунский, Анна Ахматова..., 1977 — Ж и р м у н с к и й В. М. Анна Ахматова и Александр Блок. — В кн.: Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.

Жирмунский, Поэтика..., 1977 — Ж и р м у н с к и й В. М. Поэтика Александра Блока. — В кн.: Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.

Загоровская, 1975 — З а г о р о в с к а я О. В. Семантическая структура экспрессымы *снежная вьюга* в поэзии А. Блока. — В кн.: Вопросы филологии и методики исследования. Воронеж, 1975.

Квятковский, 1966 – К в я т к о в с к и й А. П. Поэтический словарь. – М., 1966.

Крук, 1970 – К р у к И. Т. Поэзия Александра Блока. – М., 1970.

Максимов, 1972 – М а к с и м о в Д. Е. Идея пути в поэтическом сознании А. Блока. – Блоковский сборник, 2. Тарту, 1972.

Миндлин, 1974 – М и н д л и н Э. Л. Необыкновенные собеседники. – М., 1974.

Орлов, 1976 – О р л о в В. Н. Перепутья. – М., 1976.

Рождественский, 1980 – Р о ж д е с т в е н с к и й Вс. Марина Цветаева. – В кн.: Цветаева М. И. Соч.: В 2-х т. М., 1980, т. 1.

Сапогов, 1967 – С а п о г о в В. А. Поэтика лирического цикла А. Блока: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1967.

Эфрон, 1976 – Э ф р о н А. С. Страницы воспоминаний. – Звезда, 1976, № 3.

Вильнюсский государственный университет  
им. В. Капсукаса

Декабрь, 1983

Кафедра русского языка